

УДК 316.4.06

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-5

Дидковская Я. В.¹
Онегов Д. В.²

**Молодежь индустриальных регионов России:
социальные ожидания и инновационный потенциал
(на примере Свердловской области и Красноярского края)**

¹) Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия
diyana@yandex.ru

²) Российский университет кооперации
Веры Волошиной, 12/30, Мытищи, Московская область, 141014, Россия
ondvic@gmail.com

*Статья поступила 1 сентября 2018 г.; Принята 15 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. Статья посвящена проблеме инновационного потенциала работающей молодежи в контексте ее социальных ожиданий. Сравниваются данные социологического опроса молодежи, занятой на промышленных предприятиях двух крупнейших индустриальных регионов России – Свердловской области и Красноярского Края (N=420). Молодежь является важнейшим ресурсом инновационного развития, но при этом актуализируется вопрос: каким инновационным потенциалом обладает сама молодежь и насколько он сегодня востребован? Придерживаясь социологического подхода к изучению инновационного потенциала молодежи, авторы подчеркивают, что социальные ожидания и настроения молодежи образуют значимый социокультурный фактор, определяющий инновационную активность молодежи, мотивируют (или демотивируют) молодежь на реализацию своего инновационного потенциала. Выявлена региональная специфика социальных ожиданий молодежи: Красноярская молодежь более уверена в завтрашнем дне, нежели молодежь Свердловской области, выше оценивает вероятность наступления позитивных событий в будущем. Молодежь Свердловской области настроена критически как относительно своих перспектив, так и относительно изменений в стране в целом. Для молодежи в целом, а особенно для молодежи Красноярского Края, характерен прагматизм в оценке необходимости научных исследований и инноваций, молодые люди ориентированы на поддержку исследований, несущих в себе конкретную практическую пользу. Для свердловской молодежи более характерна ориентация на перспективу, понимание, что выгода от внедрения инновации может иметь отложенный эффект.

Ключевые слова: работающая молодежь; социальные ожидания; инновационный потенциал; индустриальный регион.

Благодарность: Исследование проведено в рамках проекта «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития ее инновационного потенциала», реализуемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), № 18-011-00907\18.

Информация для цитирования: Дидковская Я. В., Онегов Д. В. Молодежь индустриальных регионов России: социальные ожидания и инновационный потенциал (на примере Свердловской области и Красноярского края) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С.58-71. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-5.

Yana V. Didkovskaya¹
Dmitrii V. Onegov²

**Young people from Russian industrial regions:
their social expectations and innovative potential
(based on the example of Sverdlovsk region
and Krasnoyarsk territory)**

¹⁾ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia
diyana@yandex.ru

²⁾ Russian University of Cooperation
12/30 Vera Voloshina St., Mytishi, Moscow oblast, 141014, Russia
ondvic@gmail.com

*Received on September 1, 2018; Accepted on September 15, 2018;
Published September 30, 2018*

Abstract. The article is devoted to the problem of innovative potential of the working youth in the context of their social expectations. We compare the data of a sociological survey of young people employed at industrial enterprises of two largest industrial regions of Russia – Sverdlovsk oblast and Krasnoyarsk Krai (N=420). Young people are an important resource of innovative development, but the question is: what innovative potential does the youth possess and what demand exists for it today? Using the sociological approach to the study of the innovative potential of young people, the authors emphasize that the social expectations and attitudes of young people form a significant socio-cultural factor that determines the innovative activity of young people, and motivate (or demotivate) young people to fulfill their innovative potential. We have revealed the regional specificity of young people’s social expectations: young people from Krasnoyarsk krai have more confidence for the future than the youth from Sverdlovsk oblast, they have more positive estimates for the occurrence of positive events in the future. Young people from Sverdlovsk oblast are more critical about their prospects and changes in the country as a whole. Young people from Krasnoyarsk krai are typically pragmatic in assessing the need for research and innovation, they are focused on supporting research that has a specific practical benefit. The Sverdlovsk youth are more oriented on the future perspective, on the fact that the benefits of innovation could have a delayed effect.

Keywords: working youth; social expectations; an innovative potential; an industrial region

Acknowledgment: The study was conducted within the framework of the project “The Youth of the Industrial Regions of Russia: the Image of the Social Future as a Factor of the Development of its Innovative Potential”, implemented with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-011-00907\18.

Information for citation: Didkovskaya, Ya. V. and Onegov, D. V. (2018), “Young people from Russian industrial regions: their social expectations and innovative potential (based on the example of Sverdlovsk region and Krasnoyarsk territory)”, *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 58-71. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-5.

Введение (Introduction). Одна из наиболее существенных черт современного общества – его динамичность, способность к быстрым и качественным изменениям. Об этом еще начиная с 1990-х годов XX века говорят крупнейшие социологи современности. Способность общества активно трансформироваться определяется во многом тем, насколько субъекты социальных процессов готовы воспринимать и создавать инновации.

Очевидно, что наиболее перспективной социально-демографической группой в этом плане является молодежь, которая может быть рассмотрена как человеческий ресурс инновационного развития. При этом возникает вопрос: обладает ли сама молодежь инновационным потенциалом и насколько он сегодня востребован?

Объективные условия реализации потенциала молодежи и субъективное ощущение молодыми людьми своих возможностей самореализоваться в этих условиях определяют социальные ожидания и настроения молодого поколения, его ориентации на будущее, жизненные планы.

В последнее десятилетие исследовательский интерес к проблеме инноваций и человеческому капиталу заметно возрос. В рамках современных экономических и социологических теорий человеческий капитал, его креативность и профессионализм рассматриваются как главный фактор формирования и развития инновационной экономики. В работах К. Маллигана и К. Мартина, Э. Денисона, развиваемых в рамках институционального экономического направления, основной акцент делается на изучение возможностей оценки стоимости человеческого капитала применительно к различным странам (Mulligan, 2000; Denison, 1989). Социальные последствия и аспекты перехода к экономике знаний, рас-

сматриваются в работах социологов и экономистов Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, М.Кастельса (Белл, 1999; Гэлбрейт, 2004; Кастельс, 2000).

На постсоветском пространстве и в России институциональные условия развития и реализации человеческого капитала анализируются в работах А.Г. Эфендиева и Е.С. Балабановой, Г.А. Ключарева (Эфендиев, 2014; Ключарев, 2015). В последние годы активно исследуется феномен инновационного потенциала индустриальных регионов. Но, в основном, в фокусе внимания ученых находятся тенденции экономического развития и система экономических показателей, используемая для выявления инновационной активности регионов, измерения их инновационных потенциалов и инновационных рисков, построения экономических прогнозов (Акбердина, 2015; Макарова, 2014). Социальные факторы, которые могли бы через улучшение качества человеческого капитала влиять на развитие инновационного потенциала регионов практически не изучаются. На наш взгляд, в качестве таких факторов могли бы быть рассмотрены жизненные ориентации, социальные ожидания и настроения молодежи индустриальных регионов.

Исследование жизненных перспектив молодежи, ее планов, настроений и ожиданий – достаточно разработанное направление в мировой и российской социологии. Сегодня проблемы социальных ожиданий обычно исследуются в контексте процессов взросления и адаптации молодежи (Scales, 2011), в контексте проблем выбора молодежью жизненного пути, образования, места работы (Van Mol, 2016). Особо подчеркивается проблема завышенных ожиданий, «необоснованных амбиций» (Sabates, 2011) и их последствий, выраженных в девиантном и делинквентном поведении (Cundiff,

2017). Российскими социологами социальные ожидания изучаются в рамках комплексных исследований социального самочувствия молодежи, поскольку актуальное социальное самочувствие как удовлетворенность настоящим формирует образ будущего (Горшков, 2014; Зубок, 2016; Вишневский, 2016; Гаврилюк, 2016).

Вопросам, связанным с инновационностью молодежи, с изучением ее инновационного потенциала, уделяется гораздо меньше внимания. Тем не менее, стратегии студентов и выпускников колледжей и университетов, их возможности на рынке труда, использование инновационных способов поиска работы изучаются П. Рират (Rerat, 2014), К. Юном (Jun, 2012), К. Мавромарасом, С. МакГинессом, Н. Олири (Mavromaras, 2013). Мы полагаем, что особенно эффективно изучение работающей молодежи, которая занята в наиболее перспективных сложных и наукоемких отраслях производства, являющихся площадкой для инноваций. Именно этим объясняется выбор нашего объекта исследования – молодых работников, занятых на крупных промышленных предприятиях ведущих отраслей индустриальных регионов России.

Кроме того, анализ литературы показывает, что практически отсутствуют исследования, которые рассматривали бы взаимоотношенность инновационного потенциала молодежи и ее социальных ожиданий. Между тем, мы полагаем следующее. Во-первых, субъективная оценка молодежи возможности реализовать свой потенциал в конкретных условиях определяет ее ориентацию на перспективу. Во-вторых, ожидание позитивных перемен в будущем влияет на желание молодежи осваивать новые технологии, вкладывать в свое профессиональное и личностное развитие; негативная ориентация на перспективу, напротив, способствует тому, что молодежь преимущественно стремится сохранить или повысить свой экономический статус, обеспечить себе и семье определенный уровень жизни, прибегая к так называемым «стратегиям выживания».

В связи с этим, целью настоящей статьи является изучение инновационного потенциала работающей молодежи в связи с ее социальными ожиданиями и настроенностями.

Индустриальные регионы являются специфическим местом для реализации потенциала молодежи. А. Т. Каюмов, Ф. К. Каников и Н. Р. Исхакова считают, что для крупных индустриальных центров большое значение имеет развитие квалифицированного, творческого потенциала и воспроизводства кадров на крупных промышленных предприятиях (Каюмов, 2013). Подчеркнем, что, с одной стороны, индустриальные центры предоставляют сравнительно широкие возможности для молодежи для образования, профессиональной и личностной самореализации, но с другой, содержат в себе риски, связанные с более жесткой конкуренцией на рынке труда и с высокими требованиями к квалификации кадров со стороны работодателя. Для нас прежде всего имеет значение тот факт, что индустриальные регионы в целом обладают более высоким уровнем развития высокотехнологичных производств и, соответственно, наиболее перспективны для развития и реализации инновационного потенциала различных социальных и профессиональных групп, в том числе молодежи.

Выбранные нами для сравнения регионы исследования – Красноярский Край и Свердловская область – обладают как сходными чертами, так и особенностями. Оба региона относятся к сходному типу российских промышленных регионов – традиционным индустриальным регионам, для которых в последние годы характерен устойчивый процесс деиндустриализации, связанный с сокращением доли промышленности в структуре валового регионального продукта (ВРП) и перехода к экономике потребительского типа (Акбердина, 2015). По-прежнему сильную промышленную и научную базу этих регионов составляют крупные промышленные производства, существенная часть которых представлена наукоемкими отраслями промышленности

– авиастроением, машиностроением, ракетостроением. Данные регионы сопоставимы по социально-экономическому положению, поскольку обладают близкими значениями таких показателей как ВРП и индекс промышленного производства (Ульянова, 2012). Однако, Красноярский Край, имея территорию существенно превышающую территорию Свердловской области, в отличие от последней не обладает статусом транспортно-логистического хаба и уступает практически в 2 раза по численности населения. Сходства и специфика социально-экономических характеристик данных регионов образует сложный комплекс условий для реализации образовательного, профессионального и инновационного потенциалов молодежи и дает необходимые основания для сопоставления результатов исследования социальных ожиданий и оценок молодыми людьми своего инновационного потенциала.

Методология и методы (Methodology and methods). Исследуя инновационный потенциал молодежи индустриальных регионов, мы исходили из положений теории инновационного развития, разработанной Й. Шумпетером, который определил экономическое развитие как повышение уровня и качества жизни, смену образа жизни на основе крупных значительных новшеств – инноваций (Шумпетер, 2008). Отсюда мы предположили, что инновационность выступает фактором, обуславливающим позитивную динамику как объективных условий жизнедеятельности социальных групп и индивидов, так и субъективных оценок этих условий, выражающихся в комплексном феномене – социальном самочувствии, включающем в себя ожидания и настроения людей.

Придерживаясь социологического подхода к изучению инновационного потенциала молодежи, мы подчеркиваем и обратную сторону данной взаимосвязи: социальные ожидания, настроения и планы молодежи образуют значимый социокультурный фактор, определяющий инновационную активность молодежи, мотивируют

(или демотивируют) молодежь на реализацию своего инновационного потенциала.

Таким образом, центральным моментом методологии исследования является положение о взаимовлиянии инновационного потенциала молодежи и ее социальных ожиданий и настроений.

Под инновационным потенциалом молодежи обычно понимают характеристики данной социальной группы, позволяющей ей заниматься инновационной деятельностью. Исходя из семантики самого термина «потенциал», мы полагаем, что он характеризует некий комплекс способностей, которые могут быть реализованы в определенных условиях, а могут и остаться невостребованными. К этому комплексу мы отнесли способность повышать свой образовательный уровень, способность к профессиональному развитию, освоению новой информации, а также креативность, способности к генерации новых идей, разработке и воплощению в жизнь проектов, решению новых нестандартных задач. Таким образом в структуре инновационного потенциала молодежи мы выделяем два уровня: первый, на котором измеряются способности к восприятию новых идей и новой информации, к профессиональному развитию и повышению уровня образования, инновационная открытость; второй уровень, включающий в себя способности к генерации новых идей, разработке и воплощению в жизнь новых проектов и решению нестандартных задач, образует инновационную готовность.

Эмпирической базой статьи послужили результаты социологического исследования, реализованного авторами в период с мая по август 2018 г. в крупнейших индустриальных регионах России – Свердловской области и Красноярском Крае. В ходе исследования методом анкетирования на платформе Google Form было опрошено более 500 молодых работников промышленных предприятий (возраст – не старше 30 лет; после выравнивания квот N=420) высокотех-

нологичных отраслей экономики – машиностроения, ракетостроения, авиастроения, металлургии и сферы IT. Исследование охватило не только предприятия, расположенные в столицах регионов – Екатеринбург и Красноярске, но и находящиеся в других крупных промышленных центрах – Каменск-Уральском, Нижнем Тагиле, Железногорске и др.

Анкета включала в себя три основных раздела – инновационный потенциал и оценка возможностей его реализации; социальное самочувствие как удовлетворенность условиями жизни и своими возможностями; социальные ожидания и жизненные планы. Обработка данных проведена при помощи пакета обработки социологической информации Vortex.10.0.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Социальные ожидания работающей молодежи.

Прежде всего мы изучали удовлетворенность молодежи выбранных регионов своей жизнью в целом, которая конкретизировалась самочувствием в различных областях – материально-экономической, образовательной, профессиональной и др. Различные параметры удовлетворенности оценивались респондентами в баллах от 1 до 5.

Согласно полученным результатам молодежь в целом довольна своей жизнью, однако сравнение данных по регионам показывает, что в Красноярском Крае уровень удовлетворенности несколько выше, чем в Свердловской области (табл. 1).

Таблица 1

Уровень удовлетворенности жизнью в целом, в %

Table 1

The level of satisfaction with life in general, %

Довольны ли Вы своей жизнью в целом?	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Да	31,0	49,4
Скорее да	46,9	39,5
Скорее нет	11,1	7,4
Нет	5,4	2,5
Затрудняюсь ответить.	5,7	1,2
ИТОГО:	100,0	100,0

Анализ отдельных составляющих удовлетворенности показывает, что сравнительно низкая удовлетворенность жизнью молодежи Свердловской области в сравнении с красноярской связана с ее более высокими социально-экономическими запросами: свердловская молодежь значительно больше недовольна своим материальным положением – среднее значение удовлетворенности материальным положе-

нием молодежи Свердловской области составляет 2,72 балла, тогда как в Красноярском Крае 3,14 (табл. 2). Оценка других параметров самочувствия – состояние здоровья, работа, образование – не сильно варьирует в зависимости от региона. Однако, красноярская молодежь несколько менее довольна экологической ситуацией в своем регионе в сравнении с молодежью Свердловской области.

Таблица 2

Средние оценки удовлетворенности различными аспектами жизни в баллах
(1 – совершенно не удовлетворен, 5 баллов – полностью удовлетворен)

Table 2

Average ratings of satisfaction with various aspects of life in points
(1 – not satisfied at all, 5 points – fully satisfied)

Параметры социального самочувствия	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Своим материальным положением	2,72	3,14
Состоянием здоровья	3,76	3,73
Своей работой	3,61	3,62
Своим образованием	3,91	3,85
Экологической ситуацией	2,56	2,38

Актуальное социальное самочувствие экстраполируется на социальные ожидания респондентов как на микроуровне (уверенность в завтрашнем дне), так и на макро

уровне (оценка динамики ситуации в стране на ближайшие 3 года). Общие социальные ожидания молодежи по регионам представлены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Уровень уверенности молодежи в завтрашнем дне, в %

Table 3

The level of confidence of young people in the future, %

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Да	21,0	33,3
Скорее да	39,5	53,1
Скорее нет	21,6	8,6
Нет	11,1	3,7
Затрудняюсь ответить.	6,8	1,2
ИТОГО:	100,0	100,0

Таблица 4

Оценка динамики изменения ситуации в нашем обществе в ближайшие 3 года, в %

Table 4

Assessment for the dynamics of changes in the condition of our society for the next 3 years, %

Как вы считаете, изменится ли ситуация в нашем обществе в ближайшие 3 года?	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Нет, ничего не изменится	57,4	46,9
Да, изменится в худшую сторону	26,1	12,3
Да, изменится в лучшую сторону	16,5	40,7
ИТОГО:	100,0	100,0

Красноярская молодежь значительно увереннее смотрит в будущее. Сравнительная неудовлетворенность молодежи Свердловской области настоящим в более резкой

форме проецируется на неуверенность в своем будущем: среди свердловской молодежи не уверены в завтрашнем дне более

30%, еще около 7% затруднились определить степень своей уверенности, среди молодежи Красноярского Края неуверенных только 12%.

Ожидания изменений в стране в ближайшем будущем среди свердловской молодежи в целом также носят более негативный оттенок в сравнении с красноярской молодежью. Среди молодежи Свердловской области более одной четвертой респондентов считают, что в ближайшие 3 года ситуация в стране изменится в худшую сторону. Оптимистов среди уральской молодежи явное меньшинство. Большинство (57%, для сравнения – в Красноярском Крае таких 47%) считают, что каких-либо изменений ожидать не стоит, но с учетом сравнительно высокой неудовлетворенности настоящим, эти оценки выглядят тоже довольно пессимистично.

Причины пессимизма молодежи Свердловской области в отношении своего будущего и будущего страны в целом заключаются, как нам кажется, не только в сравнительно более высоких запросах к уровню жизни, о которых мы говорили выше, но и связаны с общим критическим настроением уральской молодежи относи-

тельно настоящего и будущего, что традиционно проявляется в негативных оценках политической, экономической и социальной ситуаций (Банникова, 2017).

Социальные ожидания молодежи измерялись нами также и на основе балльной оценки респондентами вероятности наступления позитивных и негативных событий в ближайшем будущем (1 балл – вероятность наступления события крайне мала, 5 баллов – вероятность наступления события очень высока). К возможным позитивным событиям мы отнесли следующие: успешные экономические и социальные реформы, принятие законопроектов и государственных программ, способствующих развитию деловой активности, предпринимательской и других инициатив, увеличение информационной открытости, прозрачности в обществе, переход от сырьевой экономики к развитию наукоемких отраслей и инноваций. К возможным негативным: увеличение внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами, рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня, дальнейшее укрепление государственной власти, властной вертикали, принятие законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма.

Таблица 5

Оценка вероятности наступления позитивных и негативных событий в стране в ближайшие 5 лет, средние баллы

Table 5

Assessment of the probability of positive and negative events in the country in the next 5 years, average points

Оцените вероятность наступления следующих событий в нашей стране в ближайшие 5 лет	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Успешные экономические и социальные реформы	2,17	2,69
Принятие законопроектов и государственных программ, способствующих развитию деловой активности, предпринимательской и других инициатив	2,45	3,47
Переход от сырьевой экономики к развитию наукоемких отраслей и инноваций	2,40	2,68
Увеличение информационной открытости, прозрачности в обществе	2,19	3,54
Укрепление государственной власти, властной вертикали	3,52	2,96
Рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня	4,24	3,19

Увеличение внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами	3,73	3,19
Принятие законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма	3,61	3,73

Из таблицы 5 видно, что среди молодежи Красноярского Края более высокие оценки получили позитивные события, тогда как среди молодежи Свердловской области, напротив, негативные.

Если анализировать рейтинг вероятности наступления событий (степень ожидаемости), то молодежь Красноярского Края проявляет некоторую противоречивость в своих оценках и ожидает принятия законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма и, одновременно, принятия законопроектов и государственных программ, способствующих развитию деловой активности, предпринимательской и других инициатив. Среди красноярской молодежи довольно сильны ожидания увеличения информационной открытости и прозрачности в обществе. Молодежь Свердловской области более всего ожидает роста цен, инфляции, снижения жизненного уровня, увеличения внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами и солидарна с красноярской молодежью, достаточно высоко оценивая вероятность принятия законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации и формализма.

Таким образом, молодежь Свердловской области оценивает более негативно события настоящего и ожидает изменений в будущем в худшую сторону. Это касается как ситуации в стране в целом, так и ее отдельных составляющих. Молодежь Красноярского Края, оценивая настоящие события в целом более позитивно, в большей мере склонна к ожиданию благоприятных изменений в будущем, однако, демонстрирует определенную парадоксальность в оценке вероятности наступления конкретных позитивных и негативных событий.

Инновационный потенциал работающей молодежи.

Проектируя исследование, мы предположили, что социальные ожидания молодежи образуют своего рода мотивационное поле для развития и реализации инновационного потенциала – инновационной открытости и инновационной готовности молодых работников. Отчасти наша гипотеза подтвердилась.

Изучая инновационную открытость молодежи, мы прежде всего опирались на оценку значимости для молодых работников научных исследований как фактора инновационного развития. Существенных различий в значимости научных исследований между молодежью исследуемых регионов мы не выявили (табл. 6).

В целом для молодежи характерна высокая оценка роли научных исследований (считают, что не стоит тратить деньги на исследования и науку около 1% респондентов), хотя замечен некоторый прагматизм в оценке роли исследований и инноваций: большинство респондентов полагают, что поддерживать нужно те исследования, которые несут конкретную практическую пользу (особенно это характерно для Красноярской молодежи).

Отметим, что прагматизм в оценке значимости исследований и инноваций прослеживается и по ответам на другие вопросы анкеты. В частности, интересно распределение ответов молодежи на проективный вопрос: «Представьте, что от Вас зависит принятие решения о внедрении новации на предприятии, где Вы работаете. Какие причины могут побудить Вас принять положительное решение (способствовать ее внедрению)?» (табл. 7).

Таблица 6

Значимость исследований и инноваций для молодежи, в %

Table 6

The importance of research and innovation for young people, %

Выберите из списка утверждение, с которым Вы согласны в наибольшей степени	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Научные исследования, даже если они не приносят сиюминутной пользы, должны иметь финансовую поддержку со стороны государства	44,3	38,3
Нужно поддерживать те исследования, которые несут конкретную практическую пользу	50,0	51,9
Не стоит тратить деньги на исследования и науку, у государства есть более важные задачи	0,9	1,2
Затрудняюсь ответить	4,8	8,6
ИТОГО:	100,0	100,0

Таблица 7

Прожективные причины необходимости принятия инновации, в %*

Table 7

Projective reasons for the adoption of the innovation, %

Причины необходимости внедрения	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
в результате внедрения вы получите премию	23,6	22,2
данные научной экспертизы, что новация имеет существенные преимущества	34,4	27,2
после внедрения новации конечная продукция предприятия будет соответствовать более высоким стандартам качества	51,4	29,6
явная и быстрая экономическая выгода от внедрения	39,2	43,2
прямое распоряжение руководителя о необходимости внедрения	18,8	23,5
освоение этого новшества конкурентами	6,3	11,1
новация даст вам (предприятию) конкурентные преимущества в будущем (через 2-3 года)	42,6	27,2
новация повысит безопасность производства	28,1	22,2
новация улучшит экологическую ситуацию в регионе	14,5	17,3
ваше предприятие будет оштрафовано, если не внедрит новацию	4,0	4,9

* Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма больше 100%.

В рейтинге причин необходимости внедрения инноваций среди молодежи

Красноярского Края лидирует в существенном отрыве от всех остальных мотивов явная и быстрая экономическая выгода от внедрения (43%). Для молодежи Свердловской области эта причина тоже существенна (39%), но она не является доминирующим мотивом. Для свердловской молодежи в сравнении с красноярской более характерна ориентация на перспективу, понимание, что выгода от внедрения инновации может иметь отложенный, и не только экономический, эффект. Среди наиболее значимых причин следующие: после внедрения новации конечная продукция предприятия будет соответствовать более высоким стандартам качества (51%), новация даст вам (предприятию) конкурентные преимущества в будущем (43%), данные научной экспертизы, что новация имеет существенные преимущества (34%).

Помимо открытости инновациям, мы также изучали насколько молодежь готова к конкретным действиям, связанным с внедрением инноваций, генерированием новых идей, проектов, участием в научной и новаторской деятельности. В процессе анализа виды деятельности, которые так или иначе сопряжены с инновациями, условно были поделены нами на две группы. К первой группе мы отнесли виды деятельности, требующие определенной креативности и инициативы от работника, связанные с генерацией собственных идей и проектов; во вторую группу отнесена деятельность, также имеющая отношения к инновациям, способствующая развитию потенциала работника, но не требующая творческой активности и инициативы (табл. 8).

Таблица 8
Виды деятельности, сопряженные с инновациями, практикуемые молодежью, в %*
Table 8

Activities practiced by young people connected with the innovation, %

Отметьте из перечисленных видов деятельности те, которыми Вы занимались в последние 3 года	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
1. Готовность к творческой инновационной деятельности, генерации идей и проектов		
предлагал свой проект (идею) руководству по решению производственной задачи	19,9	30,9
участвовал в разработке творческого проекта, связанного со своей профессиональной или служебной деятельностью	14,5	22,2
регистировал свои патенты на изобретения	4,0	4,9
разрабатывал бизнес-план и предлагал его к рассмотрению в банке	2,6	0,0
участвовал в профессиональных конкурсах, конкурсах на получение грантов, стипендий	6,5	14,8
выступал с докладами на конференциях или семинарах	13,9	22,2
2. Готовность осваивать и внедрять инновации, развивать свой потенциал		
повышал свой уровень образования в рамках образовательной организации	40,1	43,2
занимался самообразованием по своей или смежной профессии (читал литературу, смотрел вебинары и т. п.)	61,1	61,7
проходил курсы повышения квалификации, тренинги и др. по заданию предприятия/ организации	29,8	46,9

принимал/ участвовал в принятии решения о внедрении новшества (новой технологии, идеи, способа) в производственный процесс	17,9	11,1
осваивал новую технологию, новое оборудование, новые методы работы	41,5	23,5
Отсутствие инновационной активности		
ничем из перечисленного	10,2	7,4

*Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма ответов больше 100%

Анализ показывает, что для молодежи в целом, более характерна деятельность, связанная с освоением и внедрением уже готовых инноваций, повышением своего образовательного или профессионально-квалификационного уровня, нежели активность по разработке и представлению своих идей и проектов. Это вполне понятно и нормально, главное, что обе группы активностей достаточно широко представлены в изучаемых регионах.

Однако, если виды активности молодежи, связанные с освоением инноваций и образовательной деятельностью, практикуются молодежью обоих регионов примерно в равной степени (за исключением курсов повышения квалификации, но это, скорее всего, не региональная специфика, а отражение особенностей работы с персоналом на конкретных предприятиях), то деятельность по созданию инноваций, разработке и реализации собственных проектов в Красноярском Крае заметно более представлена. Так, молодежь Красноярского Края в сравнении со свердловской молодежью в 1,5 раза чаще представляла свой проект (идею) руководству по решению производственной задачи, в 2 раза чаще участвовала в профессиональных конкурсах, конкурсах на получение грантов, стипендий, более чем в 1,5 раза чаще участвовала в разработке творческого проекта, связанного с профессиональной или служебной деятельностью и значительно чаще выступала с докладами на конференциях или семинарах.

Таким образом, наша гипотеза о том, что определенная обусловленность состояния инновационного потенциала молодежи от социокультурных факторов, в частности

социальных ожиданий, подтвердилась данными опроса работающей молодежи Красноярского Края и Свердловской области. Мы видим, что инновационная готовность ярче и в большей мере проявляется в регионе с более благоприятным социальным самочувствием и более позитивными социальными ожиданиями молодежи.

Закключение (Conclusions). На основании проведенного исследования инновационного потенциала молодежи Красноярского Края и Свердловской области в контексте ее социальных ожиданий можем обозначить следующие выводы.

Во-первых, социальные ожидания образуют социокультурный контекст, который является фактором развития инновационного потенциала молодежи и мотивирует или демотивирует молодежь на реализацию своего потенциала. Позитивное социальное самочувствие и ожидания способствуют развитию инновационной готовности молодежи, ее активности по выдвижению новых идей и разработки своих творческих проектов.

Во-вторых, молодежь индустриальных регионов демонстрирует достаточно высокий уровень и сформированность инновационного потенциала, включая готовность к повышению своего образовательного и профессионального уровня, однако реализация этого потенциала может натолкнуться на негативный сценарий будущего – ожидания принятия законопроектов, тормозящих инициативу молодежи, кризисных явлений в экономике и политике. Кроме того, наше исследование зафиксировало низкую активность молодежи в разра-

ботке и представлении своих бизнес-проектов, а также незначительное участие в изобретательской и рационализаторской деятельности, в конкурсах на получение грантов и стипендий.

В-третьих, на основе сравнения данных по Свердловской области и Красноярскому Краю выявлена региональная специфика социальных ожиданий молодежи, которая заключается в следующем: Красноярская молодежь значительно увереннее смотрит в будущее, нежели молодежь Свердловской области; для молодежи Красноярского Края более характерны позитивные социальные ожидания; свердловская молодежь настроена более критически как относительно своих перспектив, так и относительно изменений в стране в целом.

В-четвертых, региональная специфика проявилась и в отношении молодых людей к исследованиям и инновациям, а также в практикуемых видах деятельности, связанных с инновационной активностью. Для красноярской молодежи более характерен прагматизм в оценке необходимости научных исследований, они более ориентированы на поддержку исследований, несущих в себе конкретную практическую пользу. Для уральской молодежи более характерна ориентация на перспективную отдачу от внедрения новшеств.

Список литературы

Акбердина В. В., Сергеева А. С. Индустриальные регионы России: сравнительный анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrialnye-regiony-rossii-sravnitelnyu-analiz> (дата обращения: 07.09.2017)

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999. 788 с.

Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Сильчук Е. В. Новые явления в молодежной среде и актуальные задачи молодежной политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 8-18.

Гаврилюк В. В., Мехришвили Л. Л., Скок Н. И. и др. Образ будущего в оценках нового

поколения россиян. Коллективная монография. Тюмень: ТИУ, 2016. 166 с.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Менг Л. и др. Россия и Китай: молодежь XXI века. М.: Новый хронограф – ИС РАН, 2014. 424 с.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. The New Industrial State (1967). АСТ, 2004. 608 с.

Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. Коллективная монография. М.: ИТД Перспектива, 2016. 166 с.

Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое сообщество // Мир России. 2000. № 1. С. 23-51.

Каюмов А. Т., Каников Ф. К., Исхакова Н. Р. Учащаяся молодежь крупного индустриального города о престиже профессий // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 87-95.

Ключарев Г. А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49-56.

Макарова И. В., Коровин Г. Б. Тенденции неоиндустриализации экономики старопромышленного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 31 (358). С. 2-12.

Банникова Л. Н., Белова О. Р., Боронина Л. Н. и др. СТУДЕНТ 1995-2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.

Ульянова Е., Жога Г., Толмачев Д. Мера несходства // Эксперт-Урал. 2012. № 12 (504). С. 52-56.

Шумпетер Й. Теория экономического развития / Пер. В. С. Автономова. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 401 с.

Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Ребров А. В. Человеческие ресурсы российских бизнес-организаций: проблемы формирования и управления. М.: Инфра-М, 2014. 102 с.

Cundiff P. R. Great Expectations Unmet: The Impact of Adolescent Educational Expectations on Deviant Coping During the Transition to Adulthood // Sociological inquiry. 2017. Vol. 87, issue 3. Pp. 449-471.

Denison E. F. Estimates of Productivity Changes by Industry: An Evaluation and an Alternative. Washington: Brookings Institution, 1989.

Jun K. Reputation of University, Major, Gender and Graduate's Job Search // 2nd International Conference on Applied Social Science – ICASS. Kuala-Lumpur, 2012 Pp. 155-160.

Mavromaras K., McGuinness C., O'Liri N. Job mismatches and Labour Market Outcomes: Panel Evidence on University Graduates // *Economic Record*. 2013. Pp. 382-395.

Mulligan C. B., Sala-i-Martin X. Measuring Aggregate Human Capital // *Journal of Economic Growth*, Springer. 2000. Vol. 5 (3), 215-252.

Rerat R. Highly Qualified Rural Youth? Why Do Young Graduates return to Their Home Region? // *Children's Geographies*. 2014. Pp. 70-86.

Sabates R., Harris A. L., Staff J. Ambition Gone Awry: The Long-Term Socioeconomic Consequences of Misaligned and Uncertain Ambitions in Adolescence // *Social science quarterly*. 2011. Vol. 92, issue 4. Pp. 959-977.

Scales P. C. Youth Developmental Assets in Global Perspective: Results from International Adaptations of the Developmental Assets Profile // *Child indicators research*. 2011. Vol. 4, issue 4. Special issue. Pp. 619-645.

Van Mol C. Migration aspirations of European youth in times of crisis // *Journal of youth studies*. 2016. Vol. 19, issue 10. Pp. 1303-1320.

References

Akberdina, V. V. and Sergeeva, A. S. (2015), "Industrial regions of Russia: comparative analysis", *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrialnye-regiony-rossii-sravnitelnyy-analiz> (Accessed 7 September 2017). (In Russian).

Bell, D. (1999), *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The coming post-industrial society], Akademiya, Moscow, Russia. (In Russian).

Vishnevskij, Yu. R., Narhov, D. Yu. and Sil'chuk, E. V. (2016), "New phenomena in the youth environment and current problems of the youth policy", *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, (4), 8-18. (In Russian).

Gavrilyuk, V. V., Mekhrishvili, L. L., Skok, N. I. and et al. (2016), *Obraz budushchego v otsenkah novogo pokoleniya rossiyan. Kollektivnaya monografiya* [The image of the future in the assessments of the new generation of Russians. Collective monograph], Tyumen', TIU, Russia. (In Russian).

Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E., Meng, L. and et al. (2014), *Rossiya i Kitai: molodezh' XXI veka* [Russia and China: the youth of the XXI century], Novy khronograf – IS RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Galbraith, J. (1967), *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The New Industrial State], AST, Moscow, Russia. (In Russian).

Zubok, Yu. A., Rostovskaya, T. K. and Smakotina, N. L. (2016), *Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennom rossiyskom obshchestve. Kollektivnaya monografiya* [Young people and the youth policy in modern Russian society. Collective monograph], ITD Perspektiva, Moscow, Russia. (In Russian).

Kastel's, M. and Kiseleva E., (2000), "Russia and the network community", *World of Russia*, (1), 23-51. (In Russian).

Kayumov, A. T., Kanikov, F. K. and Iskhakova, N. R. (2013), "Students of a large industrial city about the prestige of professions", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (8), 87-95. (In Russian).

Klyucharev, G. A. (2015), "'Gap" of education and labor market: opinions of experts", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (11), 49-56. (In Russian).

Makarova, I. V. and Korovin, G. B. (2014), "Trends in the neo-industrialization of the economy of the old industrial region", *Regional Economics: Theory and Practice*, (31), 2-12. (In Russian).

Bannikova, L. N., Belova, O. R., Boronina, L. N. and et al. (2017), *STUDENT 1995-2016 gg.: dinamika sotsiokul'turnogo razvitiya studentstva Srednego Urala* [STUDENT 1995-2016: dynamics of social and cultural development of students of the Middle Urals], in Vishnevskiy, Yu. R. (ed.), UrFU, Ekaterinburg, Russia. (In Russian).

Ul'yanova, E., ZHoga, G. and Tolmachev, D. (2012), "The measure of dissimilarity", *Expert-Urals*, (12), 52-56. (In Russian).

Schumpeter, J. (2008), *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of economic development], translated by Avtonomov, V. S., Directmedia Publishing, Moscow, Russia. (In Russian).

Efendiev, A. G., Balabanova, E. S., Rebrov, A. V. (2014), *Chelovecheskie resursy rossiyskih biznes-organizatsiy: problemy formirovaniya i upravleniya* [Human resources of Russian business organizations: problems of formation and management], Infra-M, Moscow, Russia. (In Russian).

Cundiff, P. R. (2017), "Great Expectations Unmet: The Impact of Adolescent Educational Expectations on Deviant Coping During the Transition to Adulthood", *Sociological inquiry*, 87 (3), 449-471.

Denison, E. F. (1989), *Estimates of Productivity Changes by Industry: An Evaluation and an*

Alternative, Brookings Institution, Washington, USA.

Jun, K. (2012), "Reputation of University, Major, Gender and Graduate's Job Search", *2nd International Conference on Applied Social Science – ICASS*, Kuala Lumpur, Malaysia, February 1-2, 155-160.

Mavromaras, K., McGuinness, C. and O'Liri, N. (2013), "Job mismatches and Labour Market Outcomes: Panel Evidence on University Graduates", *Economic Record*, 382-395.

Mulligan, C. B. and Sala-i-Martin, X. (2000), "Measuring Aggregate Human Capital", *Journal of Economic Growth*, Springer, 5 (3), 215-252.

Rerat, R. (2014), "Highly Qualified Rural Youth? Why Do Young Graduates return to Their Home Region?", *Children's Geographies*, 70-86.

Sabates, R., Harris, A. L. and Staff, J. (2011), "Ambition Gone Awry: The Long-Term Socioeconomic Consequences of Misaligned and Uncertain Ambitions in Adolescence", *Social science quarterly*, 92 (4), 959-977.

Scales, P. C. (2011), "Youth Developmental Assets in Global Perspective: Results from International Adaptations of the Developmental Assets Profile", *Child indicators research*, 4 (4), 619-645.

Van Mol, C. (2016), "Migration aspirations of European youth in times of crisis", *Journal of youth studies*, 19 (10), 1303-1320.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Дидковская Яна Викторовна, доктор социологических наук, доцент, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Онегов Дмитрий Викторович, начальник отраслевого аналитического Центра кооперативного образования Российского университета кооперации Веры Волошиной.

Yana V. Didkovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Dmitriy V. Onegov, Head of the Sectoral Analytical Center for Cooperative Education, Russian University of Cooperation named after Vera Voloshin.